

IV. Димитрій Максимовичъ.

Четвертый сынъ Максима Васильковскаго былъ **Димитрій**, занимавшій съ 1682 по 1690 годъ должность Нѣжинскаго полкового писаря. Женатъ онъ былъ на второй дочери Федора Ивановича Сулимы—Татьянѣ. Особеннаго приданнаго Дмитрій за женою не получилъ, но послѣ смерти Федора Сулимы, сынъ его, Янъ Сулима, въ 1692 году, выдалъ обоимъ своимъ зятьямъ — Дмитрію Максимовичу и Дмитрію Зеленскому, женившемуся на его младшей сестрѣ, „по двѣсти червонныхъ“. Съ начала своей службы Дмитрій пользовался милостями гетмана Мазепы; въ 1690 году онъ былъ уже повышенъ на должность полкового судьи и получилъ во владѣніе село Куликовку *). Въ полковыхъ должностяхъ Дмитрій пробылъ недолго; вскорѣ Мазепа взялъ его въ свою канцелярію и поставилъ войсковымъ „экзакторомъ“, т. е. поручилъ ему взиманіе разнаго рода войсковыхъ денежныхъ сборовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по универсалу 1695 года, Мазепа далъ Дмитрію Максимовичу два села: Черняховку и Бурковку. Съ тѣхъ поръ Дмитрій сталъ однимъ изъ прибли-

*) Свѣдѣнія о Дмитріи Максимовичѣ изъ: „Описан. Старой Малороссіи“, т. II, стр. 28, 29, 33, 84, 93, 95, 113, 124.

женныхъ людей у Мазепы, который вскорѣ сдѣлалъ его своимъ „кравчимъ“ (придворный чинъ) и поставилъ генеральнымъ бунчучнымъ, при чемъ прибавилъ ему въ 1703 г. село Дорогинку. Въ 1705 году, при размежеваніи границъ между Царскими и турецкими владѣніями, Дмитрій Максимовичъ былъ командированъ гетманомъ „въ порубежную комиссію“, какъ представитель казацкой стороны. Въ іюнѣ 1708 г., по доставленіи Кочубея и Искры въ Кіевъ *) для отдачи гетману Мазепѣ на казнь, Дмитрій Максимовичъ былъ командированъ гетманомъ съ сотней компанейцевъ для привоза ихъ къ нему подъ Бѣлую-Церковь, гдѣ въ то время гетманъ стоялъ съ своимъ обозомъ. Въ октябрѣ того же года, когда гетманъ Мазепа находился уже въ тревогѣ, что его измѣнническіе планы могутъ быть обнаружены, онъ, съ цѣлью отклонить отъ Царя всякое на себя подозрѣніе, отправилъ Дмитрія Максимовича, какъ одного изъ самыхъ своихъ приближенныхъ, къ Царю съ просьбою дать указъ объ утвержденіи земель, скупленныхъ имъ у помѣщиковъ Рыльского уѣзда, и дозволить населить эти земли пришлыми вольными людьми. Этимъ завѣреніемъ намѣренія своего пріобрѣсть земельную собственность Мазепа хотѣлъ обезпечить себя отъ всякаго подозрѣнія. Явясь, по порученію гетмана, къ Царю, посланный Дмитрій Максимовичъ вручилъ Петру 2000 червонцевъ, присланныхъ ему гетманомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же октябрѣ мѣсяцѣ 1708 г. гетманъ Мазепа осуществилъ свой тайный замыселъ:

*) „Мазепа—Мазепинцы“ Костомарова.

измѣнивъ Царю и Отечеству, онъ предался съ немалымъ числомъ казацкаго войска Карлу XII-му и привелъ его, съ шведскими войсками, въ Малороссію. Съ Мазепою пошелъ и его приближенный Дмитрій Максимовичъ — въ чинѣ генеральнаго есаула. — Царь Петръ, извѣстившись объ измѣнѣ Мазепы, прибылъ въ Глуховъ, гдѣ Мазепа и его единомышленники, перешедшіе съ нимъ къ шведамъ, были преданы церковному проклятію. Тутъ же въ Глуховѣ послѣдовала Царская грамота на имя нововыборнаго гетмана Скоропадскаго о совершенномъ прощеніи всѣхъ тѣхъ, измѣною Мазепы увлеченныхъ въ непріятельскія руки, кто въ продолженіе мѣсяца возвратится попрежнему на вѣрную своему Государю службу. Въ этой грамотѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупреждалось, что невозвратившіеся будутъ объявлены Царскими измѣнниками, лишатся чиновъ, должностей и имѣній, которыя отдадутся другимъ лицамъ, вѣрнымъ Государю. Объявленнымъ прощеніемъ воспользовались: Миргородскій полковникъ Данило Апостоль, компанейскій полковникъ Игнатій Галаганъ, братъ жены Дмитрія Максимовича — хорунжій Иванъ Сулима и еще нѣкоторыя меньшія лица. Дмитрій Максимовичъ, вовлеченный, по его словамъ, въ эту измѣну противъ своей воли, на первыхъ же порахъ убѣдился въ несостоятельности Мазепиныхъ мечтаній, порывался повиниться предъ Царемъ и воспользоваться милостями, даруемыми объявленной грамотой; но за нимъ, какъ за однимъ изъ самыхъ приближенныхъ гетмана, былъ постоянный надзоръ, лишившій его возможности уйти изъ шведскаго лагеря. По его объясненіямъ,

надзоръ этотъ былъ такъ строгъ, что когда было дознано, что онъ собирается писать Царю, то къ нему приставили особую стражу изъ шведскихъ войскъ и воспретили даже всякій выходъ изъ комнаты. Такъ рассказывалъ самъ Дмитрій Максимовичъ послѣ ухода отъ Мазепы, удостовѣряя, что онъ не былъ заранѣе въ заговорѣ съ гетманомъ, а былъ завлеченъ имъ посредствомъ обмана.

Остававшаяся при Мазепѣ часть войсковой старшины, въ томъ числѣ и Дмитрій Максимовичъ, возвратились уже въ слѣдующемъ 1709 году, послѣ побѣды Полтавской и бѣгства Карла XII съ Мазепою въ Бендеры. Возвращеніе этихъ лицъ, принадлежащихъ къ такъ называвшейся, по фамиліи одного изъ соучастниковъ, „Чуйкевичевой компаніи“, описано въ письмѣ Головкина къ Скоропадскому, приведенному А. М. Лазаревскимъ въ его сочиненіи „Описаніе Старой Малороссіи“ (т. II, стр. 29), въ коемъ Головкинъ писалъ: „Вельможно-сти вашей извѣстно, что измѣнники изъ генеральной старшины Чуйкевичъ и Максимовичъ, да изъ полковниковъ Зеленскій, Покатило и еще Гамалѣй, да Грицко писарь и Гречаный, были при проклятомъ Мазепѣ до самой счастливой намъ Полтавской баталіи; а когда ужъ усмотрѣли во время той баталіи невозможность себѣ уйти отъ войска его Царскаго величества, пришли сами...“ За уходъ отъ Мазепы послѣ Полтавскаго сраженія нельзя было ожидать помилованія. Объ измѣнникахъ было наряжено слѣдствіе, и Дмитрій Максимовичъ, вмѣстѣ съ прочими, былъ заключенъ въ тюрьму, и велѣно было для допроса ихъ отправить въ Москву, куда они были доставлены въ

началъ слѣдующаго года. При этомъ съ Дмитріемъ Максимовичемъ были посланы въ Москву и его сыновья.—Въ томъ же 1710 году участь ихъ была рѣшена указомъ, гласившимъ: „Указали Мы, Великій „Государь, измѣнниковъ бывшихъ напередъ сего въ „генеральной старшинѣ Василю Чуйкевича, Дми- „трія Максимовича, да полковника Дмитрія Зелен- „скаго, Юрія Кожуховскаго и другихъ, которые были „довелись за свои дѣла смертной казни, послать „въ ссылку на вѣчное житіе: Чуйкевича, Зелен- „скаго, Григорія и Гамалѣя — въ Сибирь; Макси- „мовича, Кожуховскаго и Покатило—къ г. Архан- „гельску съ женами и дѣтьми“. Для послѣднихъ трехъ лицъ ссылка въ Архангельскъ, а не въ Сибирь, была избрана, какъ меньшая степень наказанія, потому что на слѣдствіи многія изъ допрошенныхъ лицъ удостовѣрили, что за Кожуховскимъ и Д. Максимовичемъ дѣйствительно неотступно слѣдили приставленные къ нимъ стражи шведскихъ войскъ, препятствовавшіе ихъ уходу. Въ виду существовавшего въ то время на Украинѣ морового повѣтрія, исполненіе указа было отложено, и осужденные были посланы лишь въ 1712 году. Одновременно съ присужденіемъ къ ссылкѣ, Дмитрій Максимовичъ, согласно объявленному Царскому предостереженію, былъ лишенъ всѣхъ предоставленныхъ ему Мазепою селъ и деревень: село Куликовка было отдано въ родъ сотника Василю Селецкаго; село Черняховка гетманомъ Скоропадскимъ было передано сперва брату своему Василю, а затѣмъ Благовѣщенному монастырю при его открытіи; село Дорогинка — протопопу Яворскому, послѣ котораго оно перешло къ гене-

ралу Вейсбаху; село же Бурковка поступило во владѣніе Пантелеймону Божичу, бывшему сербскому полковнику, вышедшему изъ Сербіи въ тревожное время Мазепиной измѣны и чѣмъ-то заслужившему особую милость Царя Петра. Изъ универсала *) гетмана Скоропадскаго, даннаго Пантелеймону Божичу въ маѣ 1709 года на владѣніе селомъ Бурковкой,—видно, что независимо сель и деревень отъ Дмитрія Максимовича былъ отнятъ и домъ въ городѣ Нѣжинѣ, перешедшій, какъ нужно думать, къ нему отъ его отца — прежняго жителя г. Нѣжина. Домъ этотъ также поступилъ во владѣніе Божица, — такъ какъ въ универсалѣ говорится: „въ Нѣжинѣ въ дворѣ Максимовичевскомъ шинковномъ, гдѣ и каменички построены, имѣти спокойное помешканье“.

Дмитрій Максимовичъ прожилъ въ ссылкѣ въ Архангельскѣ двадцать лѣтъ въ крайней бѣдности и нищетѣ. О жизни его въ ссылкѣ встрѣчаются нѣкоторыя указанія въ доносѣ сосланнаго въ Архангельскѣ Данилы Забѣло, жаловавшагося на мѣстнаго губернатора за благопріятствованіе присланному за измѣну въ ссылку Дмитрію Максимовичу, назначеніемъ его комиссаромъ въ Мезень и опредѣленіемъ затѣмъ на должность ландрихтера. Но вполне достовѣрнаго значенія этимъ свѣдѣніямъ придавать нельзя, такъ какъ Данило Забѣло въ исторіи Малороссіи занимаетъ видное мѣсто лжедоносчика; неоднократные доносы его сперва на гетмана Мазепу, а затѣмъ на гетмана Скоропадскаго, разслѣдованіемъ никогда не под-

*) „Описаніе Старой Малороссіи“, т. II, стр. 124.

тверждались, и за одинъ изъ таковыхъ доносовъ онъ самъ въ ноябрѣ 1718 года былъ сосланъ на вѣчное житіе въ Архангельскъ. Въ Архангельскѣ Д. Забѣло встрѣтился съ сосланными своими соотечественниками, которые его не хотѣли признавать и отъ него отвернулись; это, видимо, и вызвало доносъ его на Дмитрія Максимовича, — какъ на одного изъ представителей ненавистно его встрѣтившихъ сосланныхъ малороссіянъ.

Дмитрій Максимовичъ умеръ въ Архангельскѣ въ 1732 году. У него были одна дочь и три сына: **Федоръ, Иванъ и Василій**. При высылкѣ отца дочь оставалась въ Малороссіи, гдѣ она вышла замужъ за бунчуковаго товарища Николая Бороздну. Неоднократно въ своихъ письмахъ изъ ссылки Дмитрій Максимовичъ обращался къ этой своей дочери съ просьбами о помощи, жалуясь на свою тяжкую судьбу, но, подъ вліяніемъ мужа, дочь на всѣ эти просьбы не отзывалась.

Во исполненіе, послѣдовавшаго въ 1710 году, Царскаго указа о ссылкѣ Дмитрія Максимовича, доставленные во время слѣдствія въ Москву сыновья его подлежали высылкѣ совмѣстно съ отцомъ на вѣчное житіе въ г. Архангельскъ. Но, ко времени исполненія сего указа, прибылъ въ Москву вновь назначенный на высокій духовный постъ Тобольскаго Митрополита—Іоаннъ Максимовичъ,—родной братъ ихъ осужденнаго отца. Заступничество этого всѣми уважаемаго Архипастыря и его просьба за юныхъ своихъ племянниковъ передъ Царемъ спасли сыновей Дмитрія Максимовича отъ ссылки; имъ было разрѣшено остаться на родинѣ, и, въ послѣдствіи, даже двое старшихъ,

Федоръ и Иванъ, были осчастливлены зачисленіемъ въ гвардейскіе полки: Федоръ — въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, а Иванъ — въ лейбъ-гвардіи Измайловскій. Младшій же сынъ Василій, возвратившись въ Украину, состоялъ сотникомъ Чернотицкимъ. — По поступленіи на службу, Федоръ, Иванъ и Василій Максимовичи, имѣя весьма скудныя средства къ существованію, еще при жизни отца, начали усиленно хлопотать о возвращеніи имъ отнятыхъ отцовскихъ имѣній. Но всѣ ихъ хлопоты были безуспѣшны, они не могли обфлить память своего родителя, увѣряя, что онъ, будучи увлеченъ обманомъ въ шведскій станъ, принималъ всякія мѣры, чтобы уйти оттуда и писалъ къ разнымъ государственнымъ сановникамъ, сообщая въ своихъ письмахъ изъ непріятельскаго лагеря извѣстія, полезныя для русскаго войска. На всѣ эти хлопоты и завѣренія сыновей послѣдовалъ офиціальныи отвѣтъ: „Въ коллегіи „иностранныхъ дѣлъ не сохранилось свѣдѣній о „томъ, чтобы отецъ ихъ Дмитрій Максимовичъ „изъ шведскаго войска къ государственному „канцлеру и къ князю Меншикову и къ прочимъ „бывшимъ тогда министрамъ писалъ о благопо- „требныхъ тогда вѣдомостяхъ къ російской сто- „ронѣ, а можетъ быть что и писалъ, но во время „турецкаго похода при рѣкѣ Прутѣ бывшія при „походной посольской канцеляріи всѣ такія письма „утрачены“ *). Независимо сего, подъ вліяніемъ горестныхъ писемъ изъ Архангельска, Федоръ Максимовичъ, на правахъ старшаго въ семьѣ, об-

*) „Мазепа—Мазепинцы“ Костомарова, стр. 689, изъ Арх. Юст., сенат. дѣла по Малоросс. экспед. 1732 г. № 95—1822.

ратился съ ходатайствомъ къ гетману о понужденіи мужа ихъ сестры, Николая Бороздны, выдѣлить бѣдствующему ихъ отцу часть изъ его родительскаго имѣнія, захваченнаго имъ по его высылкѣ, жалуясь при этомъ, что Бороздна, завладѣвъ всѣмъ, отказываетъ даже и въ выдачѣ движимости. Но и это ходатайство сосланному Дмитрію Максимовичу не принесло пользы.

Старшій сынъ Дмитрія Максимовича—**Федоръ**, какъ это видно изъ исторіи Семеновскаго полка, зачисленъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ въ 1721 году; въ 1728 году онъ состоялъ сержантомъ въ гренадерской ротѣ; въ 1740 году былъ произведенъ въ поручики. Участвуя въ Хотинскомъ походѣ, онъ былъ раненъ, и „за раны“, то есть, какъ должно понимать, за военное отличіе, въ 1741 году былъ назначенъ Стародубскимъ полковникомъ. Приѣмъ полка въ то время всегда сопровождался извѣстною торжественностью и обрядностью; такъ, въ отношеніи приѣма Стародубскаго полка полковникомъ Федоромъ Дмитріевичемъ, извѣстно *), что при приѣмѣ имъ полка, въ мартѣ мѣсяцѣ 1742 года, генеральный хорунжій Николай Ханенко, по порученію генеральной канцеляріи, торжественно передалъ новому полковнику „полковые клейноты и команду“, при чемъ „велѣлъ его всѣми знаменами окрыть“ и, по обычаю, „покрыли его жъ шалками“. Будучи Стародубскимъ полковникомъ, Федоръ Дмитріевичъ женился на дочери значковаго товарища Ивана Плотнова—Матренѣ. Стародубскимъ полкомъ Фе-

*) Сочиненіе профессора М. А. Максимовича, т. I., стр. 806.

доръ Максимовичъ управлялъ пятнадцать лѣтъ. Въ 1744 году съ Стародубскимъ полкомъ ему пришлось встрѣчать въ г. Кіевѣ Императрицу Елисавету, и въ описаніи проводовъ Императрицы, при выѣздѣ ея изъ Кіева, рассказывается, что полковникъ Федоръ Дмитріевичъ, отличавшійся выдающеюся физическою силою, отдавалъ Императрицѣ честь, держа и поворачивая въ рукахъ пушку вмѣсто ружья *). Послѣ десятилѣтней службы его полковникомъ, Разумовскій призналъ справедливымъ надѣлать Федора Дмитріевича нѣкоторыми имѣніями; но войсковыхъ селъ и деревень свободныхъ оказалось въ то время весьма мало, вслѣдствіе чего, согласно универсалу 1752 г., Федору Максимовичу и было дано „въ потомственное владѣніе“ нѣсколько отдѣльныхъ частей, находящихся въ разныхъ селахъ и деревняхъ, а всего 55 дворовъ, да 9 бездворныхъ хатъ. Умеръ Федоръ Дмитріевичъ въ 1756 году, оставивъ вдову и трехъ сыновей: Ивана, Дмитрія и Андрея. Въ числѣ архивныхъ документовъ, сохранилось письмо вдовы Федора Максимовича — Матрены Ивановны, въ коемъ она, извѣщая о смерти мужа, писала въ генеральную канцелярію: „по смерти мужа моего „полковника стародубского, каковъ остался знакъ „полковничества называньемъ пѣрначъ, оный при „семъ представляю; а при томъ, какъ и о другихъ „клейнотахъ полковыхъ, яко то: корогвахъ и лѣтаврахъ, какъ повелѣно будетъ, ко резолюціи докладаю“ **).

*) „Исторія Малороссіи“ Бантышъ-Каменскаго.

**) „Описаніе Старой Малороссіи“, т. I, стр. 58.

Второй сынъ Дмитрія Максимовича — **Иванъ** былъ зачисленъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; въ чинѣ поручика онъ былъ убитъ въ турецкую войну при посылкѣ кабинетъ-курьеромъ. Третій сынъ **Василій**, возвращенный по ссылкѣ отца въ Украину, состоялъ сотникомъ Чернотицкимъ.

Изъ указанныхъ трехъ сыновей Иванъ умеръ безпотомственно, а старшій сынъ Федоръ и младшій Василій оставили по себѣ сыновей, коими линія четвертаго сына Максима Васильковскаго — Дмитрія, въ III колѣнѣ, развѣтвляется на двѣ вѣтви. Одна идетъ отъ Федора Дмитриевича, а другая отъ Василя Дмитриевича.

У Федора Дмитриевича, какъ сказано выше, было три сына **Иванъ**, **Дмитрій** и **Андрей**, которые, по праву наслѣдства, владѣли: селомъ Невзорово, при рѣчкѣ Пронѣ, деревнею Пукосинъ, при рѣчкѣ Вабенцѣ, деревнею Рудня, селомъ Журавлевымъ, селомъ Жовенецъ и селомъ Казаричи; но все это были имѣнія небольшія, такъ — напри-мѣръ: въ послѣднемъ имъ принадлежало всего 33 десятины земли.

Всѣ трое сыновей Федора Дмитриевича пошли по военной карьерѣ. Старшій Иванъ Федоровичъ служилъ въ разныхъ полкахъ, и, въ концѣ своей службы, состоялъ полковникомъ Стародубскаго карабинернаго полка. Въ 1783 году малороссійскіе казацкіе полки были уничтожены, и на мѣсто ихъ образованы регулярные карабинерные полки; къ концу царствованія Екатерины II такихъ полковъ было шестнадцать. Императоръ Павелъ переиме-

новалъ шесть изъ этихъ полковъ въ драгунскіе, а остальные—въ кирасирскіе *).

Второй сынъ Федора Дмитріевича — Дмитрій, въ чинѣ маіора, состоялъ адъютантомъ при Суворовѣ и въ 1774 году, при преслѣдованіи Суворовымъ Пугачева, былъ убитъ въ Оренбургскихъ степяхъ при схваткѣ съ киргизами. О смерти адъютанта Суворова — Максимовича упоминается въ исторіи Пугачевского бунта Пушкина *): „Суворовъ, прибывъ на Узень, узналъ отъ пустынныхъ, что Пугачевъ задержанъ и повезенъ къ Яицкому городку. Суворовъ поспѣшилъ туда же. Ночью сбился онъ съ дороги и нашелъ на огни, раскладенные въ степи вооруженными киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и прогналъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ и между ними своего адъютанта Максимовича“.

О третьемъ — младшемъ сынѣ Андреѣ извѣстно лишь изъ родословной, что онъ служилъ прапорщикомъ.

Изъ этихъ трехъ сыновей Иванъ и Андрей дѣтей не имѣли, Дмитрій же (адъютантъ Суворова), женатый на дочери полковника Маріи Михайловнѣ Ширай, имѣлъ сына **Ивана**, служившаго въ разныхъ полкахъ и бывшаго въ концѣ своей службы ротмистромъ Стародубскаго кирасирскаго полка. Этотъ Иванъ Дмитріевичъ въ 1821 году женился на дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Елецкаго—Александрѣ Степановнѣ и оставилъ по себѣ четырехъ сыновей, изъ коихъ трое умерли

*) Военный энцикл. лексиконъ, изд. 1856 г., Спб.

**) Изданіе Суворина 1887 г., т. VII, стр. 139.

безпотомственно, а одинъ — **Константинъ** — имѣлъ сына **Сергѣя** и дочь **Варвару**, вышедшую замужъ за доктора медицины Порои-Кошица.

Выше было уже сказано, что линія рода четвертаго сына Максима Васильковскаго—Дмитрія—съ третьяго колѣна развѣтвляется на двѣ вѣтви; прослѣдивъ старшую вѣтвь, идущую отъ Федора Дмитріевича, до VII колѣна, обратимся теперь къ младшей вѣтви, составляющей потомство Василя Дмитріевича. Василій Дмитріевичъ, какъ намъ уже извѣстно, при ссылкѣ отца въ Архангельскъ, въ виду своихъ юныхъ лѣтъ (онъ родился въ 1703 году), не былъ зачисленъ, по примѣру своихъ братьевъ, въ гвардейскіе полки, а былъ возвращенъ на попеченіе своихъ родныхъ въ Украину. Состоя сотникомъ Чернотицкимъ, онъ женился; жену его звали Дарья Афанасьевна. Послѣ Василя Дмитріевича остались два сына: **Илья** и **Григорій**, служившіе также на военной службѣ. Дѣтьми этихъ двухъ сыновей Ильи и Григорія — младшая вѣтвь, съ V колѣна, распадается, въ свою очередь, еще на двѣ вѣтви, идущія и по настоящій день. Не имѣя болѣе свѣдѣній о лицахъ, принадлежащихъ къ этимъ двумъ вѣтвямъ, какъ показанныя мною въ родословной, я ограничусь лишь указаніемъ, что въ настоящее время потомство сотника Василя Дмитріевича состоитъ изъ трехъ семей: семьи **Николая** Николаевича Максимовича, живущаго въ своемъ домѣ въ г. Владикавказѣ, въ Терской области; семьи умершаго **Николая** Григорьевича Максимовича, члены коей живутъ въ разныхъ мѣстахъ Черни-

говской губерніи, и семьи умершаго **Андрея** Григорьевича Максимовича, вдова котораго Ольга Антоновна Максимовичъ, урожденная Москальская, проживаетъ въ м. Мена, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи.

У. Григорій Максимовичъ.

Пятый сынъ Максима Васильковскаго—Григорій, окончивъ свое ученіе, подъ руководствомъ старшаго брата Іоанна, въ Кіевской академіи, избралъ путь духовный. Первое время онъ служилъ въ разныхъ священнослужительскихъ должностяхъ въ г. Кіевѣ, а въ 1680-хъ годахъ былъ назначенъ настоятелемъ Успенской соборной церкви въ г. Переяславлѣ.

Въ тѣ времена должность соборнаго настоятеля, или, какъ ихъ называли, „соборный протопопъ“, вообще, а въ особенности въ такомъ городѣ какъ Переяславль, считалась весьма высокою и почетною. Исторія указываетъ намъ, что малороссійское духовенство, борясь съ католичествомъ и уніей, пополнялось не только изъ мѣщанъ и простого выборнаго казачества, но также изъ войсковой старшины, изъ шляхетства и родовъ княжескихъ. Извѣстно, напримѣръ, что святитель Димитрій Ростовскій былъ сынъ Макаровскаго сотника Саввы Туптала; митрополитъ Стефанъ Яворскій — сынъ шляхтича Волынскаго; епископъ Луцкій Аѳанасій, упоминаемый въ подвигахъ Хмельницкаго, былъ русскій князь Пузына; митрополитъ же Кіевскій Гедеонъ — князь Четвертенскій, потомокъ Св. Владиміра. Восполненіемъ своимъ изъ всѣхъ сословій, а главнымъ образомъ образованіемъ и просвѣщеніемъ, духовенство мало-

російское въ продолженіе XVII вѣка возвысилось на такую степень, что и въ царствованіе Екатерины II считалось первымъ сословіемъ народа, по тогдашнему понятію малороссійскому. Въ сочиненіи Василя Рубана *), посвященномъ графу Румянцеву, „Краткое извѣстіе о Малой Россіи“, въ приводимомъ раздѣленіи народа малороссійскаго, прямо указывается, что къ первому классу принадлежалъ духовный чинъ, а ко второму — шляхетство. При этомъ, по силѣ тогдашнихъ узаконеній, духовный чинъ былъ равенъ въ правахъ съ чиномъ шляхетнымъ, почему и принимавшій священство не лишался съ своимъ потомствомъ тѣхъ правъ, кои ему принадлежали по происхожденію. При такомъ взглядѣ на духовный чинъ, понятно, какое имѣлъ значеніе чинъ „соборнаго протопопа“, и на сколько этотъ чинъ возвышался въ великихъ городахъ—въ соборахъ, являвшихся историческими памятниками.

Городъ же Переяславль, находящійся въ верстахъ 80 ниже Кіева, на правомъ берегу Трубежа, славенъ былъ и въ древней княжеской Украинѣ, и въ Украинѣ казацкой. Достаточно вспомнить, что во времена великаго князя Ярослава Переяславль былъ третьимъ городомъ, доставшимся его любимому сыну Всеволоду. Въ концѣ XVII вѣка г. Переяславль состоялъ изъ двухъ частей, называвшихся: верхняя—„замкомъ“ и нижняя—„городомъ“, или „мѣстомъ“, въ отличіе отъ замка. Весь городъ былъ обнесенъ валомъ, имѣвшимъ трое городскихъ деревянныхъ воротъ; въ ночное

*) „М. А. Максимовичъ“, т. II, стр. 325.

время ворота эти запирались, ихъ охраняла городская стража, обязанностью которой было, расхаживая по валу отъ однихъ воротъ къ другимъ, выкрикивать установленный окликъ: „въ славномъ городѣ Переяславлѣ“. Въ верхней части города „замкъ“ находилась церковь Успенская, основанная Мономахомъ въ 1098 году и называвшаяся замковою Успенскою церковью. Въ данной Успенской соборной церкви, благодаря историческимъ событіямъ, не осталось церковнаго архива, документы коего насъ могли-бы ближе ознакомить съ личностью Григорія Максимовича; но и эти малые имѣющіяся о немъ свѣдѣнія, въ связи съ назначеніемъ его на такой видный духовный постъ въ городъ Переяславль въ 1680-хъ годахъ, когда ему не могло быть еще и 30-ти лѣтъ отъ роду, даютъ намъ нѣкоторое указаніе на выдающіяся качества и способности этой личности. Въ г. Переяславлѣ Григорій Максимовичъ имѣлъ свой собственный домъ, который, послѣ смерти его, въ 1711 году перешелъ къ его единственному сыну **Владимиру**, служившему войсковымъ товарищемъ. Владиміръ Григорьевичъ дѣтей мужескаго пола не имѣлъ, а имѣлъ лишь одну дочь, которая вышла замужъ въ Лубнахъ за Лубенскаго полковника Кулябку. Послѣ смерти Владимира Григорьевича, отцовскимъ Переяславскимъ домомъ владѣлъ Иванъ Леонтьевичъ Максимовичъ, внукъ второго сына Василя.

Такимъ образомъ, въ линіи пятаго сына Григорія родъ Максимовичей прекратился уже въ III колѣнѣ.

VI. Михаилъ Максимовичъ.

Шестой сынъ Максима Васильковскаго **Михаилъ** служилъ въ разныхъ чинахъ въ Лубенскомъ полку; въ гетманство Мазепы онъ состоялъ бунчуковымъ товарищемъ, и въ 1700 году, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Антономъ, былъ награжденъ пожалованіемъ отъ него селомъ „Луками“, находившимся на рѣкѣ Ирпени, въ Бѣлоцерковскомъ полку. Еще при жизни отца, Михаилъ вступилъ во владѣніе половиною частью мельницы, выстроенной Максимомъ Васильковскимъ, по договору съ Θεодосіемъ Углицкимъ, для Выдубицкаго монастыря, на рѣкѣ Вѣтѣ. Въ 1712 году Михаилъ умеръ, сыновья его въ то время были еще несовершеннолѣтніе, и потому имуществомъ распоряжалась жена его — Анна Михайловна. Въ августѣ того же 1712 года право на половину указанной мельницы, на рѣкѣ Вѣтѣ, она уступила Выдубицкому монастырю за 500 золотыхъ. Михаилъ имѣлъ двухъ сыновей: **Семена** и **Іакинфа**. Послѣдній въ юные еще годы постригся въ монахи. Семенъ же Михайловичъ началъ свою службу въ г. Глуховѣ въ войсковой канцеляріи; съ 1716 г. онъ состоялъ сотникомъ Чернушскимъ, въ каковомъ званіи отъ гетмана Скоропадскаго пожалованъ, въ 1721 году, селомъ Бондарями. Въ

1722 году Семень Михайловичъ, въ чинѣ бунчуковаго товарища, между прочимъ, исполнялъ обязанности комиссара по исполненію указа Сената по, такъ называемому, дѣлу о почепскомъ межеваніи. Обстоятельства этого, въ свое время крайне интереснаго, дѣла слѣдующія *): Послѣ Полтавской битвы гетману Скоропадскому представлялась необходимость вознаградить сподвижниковъ Царя Петра за труды, ими понесенные при изгнаніи шведовъ изъ Малороссіи; князю Меншикову, какъ наиболѣе отличившемуся въ этомъ дѣлѣ, долженъ былъ быть назначенъ и болѣе вѣскій подарокъ. Въ виду этого, въ 1709 году Меншикову были отданы двѣ гетманскія волости—Почепская и Ямпольская. Меншиковъ, не удовлетворившись этимъ даромъ, неоднократно просилъ объ уступкѣ ему сосѣднихъ земель для округленія своихъ владѣній, и результатомъ этихъ стремленій „округленія владѣній“ возникло дѣло о почепскомъ межеваніи. Дѣло это тянулось долгіе годы, пока, наконецъ, по челобитной гетмана Скоропадекаго, въ 1722 году не дошло до собственнаго разрѣшенія Петра Великаго. Царь, взявъ карандашъ, написалъ свою резолюцію: „Учинить рѣшеніе въ Сенатѣ слѣдующимъ образомъ: то, что далъ гетманъ послѣ „Полтавской баталіи князю Меншикову и грамотою „жалованною утверждено, быть за нимъ; а что „сверхъ того примежено и взято,—гетману возвратить“. Согласно этой Царской резолюціи и состоялось рѣшеніе Сената, которое, какъ мы видѣли выше, и исполнялъ въ октябрѣ 1722 года Семень

*) „Описаніе Старой Малороссіи“, т. I, стр. 274—288.

Максимовичъ. Въ гетманство Апостола, въ 1731 году, Семенъ Максимовичъ былъ Лубенскимъ полковымъ судьей, въ каковой должности въ пожалованномъ имѣніи Бондари и умеръ.

У Семена Михайловича было пять сыновей: **Петръ, Федоръ, Акимъ, Иванъ и Данило**; всѣ они служили въ разныхъ чинахъ, преимущественно въ полку Лубенскомъ, за исключеніемъ Федора Семеновича, который служилъ по гражданской службѣ и состоялъ въ должности совѣтника въ Кіевской губерніи. Петръ Семеновичъ въ 1764 году былъ земскимъ подсудкомъ; Иванъ Семеновичъ—есауломъ Лубенскаго полка, а Данило Семеновичъ хорунжимъ въ томъ же полку. Трое изъ нихъ: Федоръ, Иванъ и Данило умерли безпотомственно. Петръ же и Акимъ оставили послѣ себя сыновей.

Петръ Семеновичъ имѣлъ двухъ сыновей: **Степана и Тараса**. Степанъ Петровичъ воспитывался въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ и, окончивъ курсъ ученія вице-вахмистромъ, приказомъ отъ 14 марта 1762 года, произведенъ въ ротмистры въ кирасирскій полкъ *). Въ Румянцевскую войну 1769 года Степанъ Петровичъ, послѣ семилѣтней службы, былъ уже полковникомъ Лубенскаго полка и въ 1770 году, въ этой должности, былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени. Какъ извѣстно, знакъ военнаго отличія — орденъ Св. Георгія учрежденъ Императрицею Екатериною 26 ноября 1769 года. Румянцевъ-Задунайскій 27 іюля 1770 года былъ

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 1762 г. № 23, отъ 19 марта.

первымъ, пожалованнымъ Св. Георгіемъ 1-й степени; Св. Георгія 4-й степени первымъ получилъ 3 февраля 1770 года преміеръ-маіоръ Паткуль. Затѣмъ, въ томъ же 1770 году, Св. Георгій 4-й степени былъ пожалованъ 65 лицамъ: 3 генераламъ, 44 штабъ-офицерамъ и 18 оберъ-офицерамъ. Степанъ Петровичъ Максимовичъ былъ одинъ изъ первыхъ десяти штабъ-офицеровъ, удостоившихся этой славной награды *). Женатъ онъ былъ на Аннѣ Марковичъ. Въ чинѣ бригадира Степанъ Петровичъ вышелъ въ отставку и конецъ своей жизни провелъ въ имѣніи своемъ при мѣстечкѣ Красный-Колядинъ, Конотопскаго уѣзда, Черниговской губерніи, гдѣ и умеръ.

Младшій сынъ Петра Семеновича — Тарасъ тоже пошелъ по военной службѣ и состоялъ полковникомъ въ одномъ изъ гусарскихъ полковъ.

Въ родословныхъ записяхъ потомства Степана Петровича и Тараса Петровича не значится, и въ дальнѣйшихъ колѣнахъ линия шестого сына Максима Васильковскаго ведетъ свое продолженіе лишь отъ одного Акіма Семеновича.

Акимъ Семеновичъ, какъ это видно изъ универсала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, въ 1764 году, за долговременную службу былъ произведенъ изъ значковыхъ товарищей въ полковые есаулы, а затѣмъ, по примѣру своего отца—Семена Михайловича, былъ назначенъ Лубенскимъ полковымъ судьей. Акимъ Семеновичъ имѣлъ трехъ сыновей: Петра, Корнилія и Іосифа.

*) Орденъ Св. Георгія, изданіе Главнаго Штаба 1869 г.

О Петрѣ и Іосифѣ имѣются лишь свѣдѣнія изъ акта 29 октября 1784 года, о внесеніи ихъ въ дворянскія книги, изъ коего видно, что Петръ Акимовичъ въ январѣ 1783 года былъ произведенъ изъ поручиковъ въ капитаны, и что Іосифъ въ то время былъ еще малолѣтнимъ и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Къ сожалѣнію, какъ о Петрѣ, такъ и о Іосифѣ Акимовичѣ мнѣ не удалось собрать какихъ-либо свѣдѣній, и потому мнѣ неизвѣстно, осталось ли послѣ нихъ потомство.

Корнилій Акимовичъ въ 1769 году поступилъ ефрейтъ-капраломъ въ Елецкій пѣхотный полкъ; въ 1773 году былъ произведенъ прапорщикомъ и служилъ въ этомъ полку до 1788 года, когда по прошенію, за болѣзнію, былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора. Выйдя въ отставку, Корнилій Максимовичъ вскорѣ женился (жену его звали Пелагея) и поселился въ своемъ хуторѣ Чернухи, близъ мѣстечка Чернухъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Средства Корнилія Акимовича были крайне ограничены; пенсію, за двадцатилѣтнюю службу, онъ получалъ очень незначительную, — да и земли имѣлъ немного, всего за нимъ числилось въ Чернухахъ 15, въ жалованномъ его дѣду селѣ Бондаряхъ—17 и хуторѣ Семиковѣ—14 душъ мужескаго пола наслѣдственныхъ крестьянъ. Въ Чернухахъ домъ былъ маленькій, деревянный, соломою крытый, и вся жизнь его семьи представлялась самою обыденною. У Корнилія Акимовича было нѣсколько дочерей (изъ коихъ, какъ я знаю, одна была за Шведковскимъ, вторая за Мамчикомъ, третья за Котляревскимъ) и три

сына: **Иванъ, Клавдій и Михаилъ**. Всѣхъ своихъ дѣтей **Корнилій Акимовичъ** имѣлъ обыкновеніе крестить въ теченіе сорока восьми часовъ по ихъ рожденіи и въ качествѣ воспріемниковъ привлекать, большею частью, членовъ своей же семьи; такъ, при крещеніи сыновей обязанности крестныхъ матерей исполняли старшія сестры, а крестнымъ отцомъ двухъ сыновей былъ, искренно расположенный къ **Корнилію Акимовичу**, мѣстный помѣщикъ генералъ **Павелъ Шостаковъ**. Ограниченность средствъ, при многочисленной семьѣ, не давала возможности и думать о какомъ-либо домашнемъ воспитаніи, и сыновья, получивъ лишь первоначальныя познанія грамоты, съ достиженіемъ учебнаго возраста, были отвезены въ военно-учебныя заведенія, откуда они, поступивъ на службу, уже болѣе на жительство на свою родину никогда не возвращались. **Корнилій Акимовичъ** дожилъ до глубокой старости и умеръ въ **Чернухахъ**.

О третьемъ его сынѣ **Михаилѣ Корниловичѣ**, придерживаясь правила „*de mortibus aut bene, aut nihil*“, скажу лишь только, что онъ, окончивъ курсъ въ Императорскомъ Военно-Сиротскомъ Домѣ (что нынѣ **Павловскій кадетскій корпусъ**), въ 1823 году, семнадцати лѣтъ отъ роду, былъ опредѣленъ прапорщикомъ въ бывшій 48 егерскій полкъ; 26 же ноября 1861 года, въ чинѣ полковника онъ уволенъ въ отставку. Въ отставкѣ онъ проживалъ въ **Петербургѣ**, гдѣ и умеръ, будучи холостымъ, въ 1878 году.

Переходя, затѣмъ, къ остальнымъ двумъ сыновьямъ **Корнилія Акимовича** — **Ивану Корниловичу** и **Клавдію Корниловичу**, я вынужденъ,

предварительно, сдѣлать небольшую оговорку: къ великому моему горю, объ этихъ лицахъ, наиболѣе мнѣ близкихъ,—въ особенности о Клавдіи Корниліевичѣ,—я располагаю весьма малыми свѣдѣніями и крайне скуднымъ матеріаломъ. Отца я зналъ, будучи ребенкомъ, дядю Ивана Корниліевича — въ мои юные годы, потому личные мои воспоминанія не богаты. Письменныхъ же какихъ-либо о нихъ воспоминаній въ семьѣ не сохранилось, и оставшійся послѣ ихъ смерти, интересный для памяти, матеріалъ, какъ-то: переписка между братьями, воспоминанія Клавдіи Корниліевича о его жизни въ Сибири, съ рисунками, библія съ отмѣтками важныхъ въ его жизни событій, — о существованіи коего мнѣ лишь извѣстно по рассказамъ, не былъ сохраненъ лицами, имѣвшими его въ рукахъ, и сдѣлался достояніемъ всеокрушающаго времени. Воспользоваться чьими-либо устными сказаніями о жизни этихъ лицъ — время уже пропущено, такъ какъ теперь всѣ ихъ сверстники и товарищи или покоятся въ жизни вѣчной, или въ столь преклонномъ возрастѣ, когда память не служитъ ручательствомъ вѣрности передаваемого. Приходится потому довольствоваться лишь наличнымъ малымъ матеріаломъ, на основаніи коего и воспоминанія о лицахъ, столь мнѣ близкихъ, къ сожалѣнію, могутъ быть только поверхностныя.

Иванъ Корниліевичъ родился 7 января 1800 г. 7 января, какъ извѣстно, день Св. Іоанна Крестителя, поэтому, будучи, по обычаю своей семьи, крещенъ въ день своего рожденія, онъ и былъ названъ Іоанномъ, именемъ столь чтимымъ въ

родѣ Максимовичей. Воспитаніе Иванъ Корниліевичъ получилъ въ Дворянскомъ полку, откуда, 17 лѣтъ отъ роду, въ 1817 году былъ выпущенъ офицеромъ въ бывшій 48 егерскій полкъ, стоявшій въ г. Гродно. На третій годъ своей службы въ полку, Иванъ Корниліевичъ, какъ одинъ изъ примѣрныхъ молодыхъ офицеровъ, 25 августа 1820 г., начальникомъ дивизіи генераль-маіоромъ Савойни былъ командированъ въ городъ Варшаву для изученія баталіонныхъ ученій и, какъ сказано въ приказѣ, „для узнанія егерскихъ сигналовъ“, причемъ этимъ приказомъ, отъ 25 августа 1820 года за № 536, подписаннымъ бригаднымъ генераломъ барономъ Розеномъ (отцомъ моей матери), вмѣнялось въ обязанность „юному подпорутчику Ивану Максимовичу I-му“ „для изученія баталіонныхъ ученій пребывать въ каждой баталіонной квартирѣ „г. Варшавы по трое сутокъ, обстоятельно ознакомиться со всѣми дѣйствіями и затѣмъ, хорошо запомнивъ все видѣнное, не отступать отъ тѣхъ правилъ, кои были показаны въ Варшавѣ“. Эту первую служебную командировку Иванъ Корниліевичъ исполнилъ настолько примѣрно и образцово, что обратилъ на себя вниманіе генерала Савойни. Вслѣдствіе этого, когда, во время командованія генераломъ Савойни 24-й пѣхотной дивизіей, при 24-й дивизіи была образована учебная дворянская рота, завѣдываніе этою ротою было возложено на Ивана Максимовича, какъ вполне надежнаго офицера, причемъ одновременно онъ былъ зачисленъ адъютантомъ къ начальнику дивизіи. Принявъ роту въ чинѣ капитана арміи въ 1827 году, Иванъ Корниліевичъ въ томъ же году, приказомъ отъ

6 августа былъ переведенъ штабсъ-капитаномъ въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ. При проѣздѣ, 2 мая 1829 года, Государя Николая Павловича чрезъ Гродно въ Варшаву, Иванъ Максимовичъ имѣлъ счастье представлять Государю свою учебную дворянскую роту. Рота эта была найдена въ блистательномъ состояніи, и завѣдующій ею былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени. На отданномъ о семъ приказѣ по дивизіи за № 316, присланномъ командиру роты, Иваномъ Корниліевичемъ сдѣлана собственноручная надпись: „Государь Императоръ изволилъ остаться очень довольнымъ, за все видѣнное удостоилъ Высочайшею благодарностью начальника дивизіи Г. Л. Савойни, а мнѣ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени.“

Въ 1830 году генералъ Савойни былъ назначенъ командиромъ 4-го пѣхотнаго корпуса, стоявшаго въ Москвѣ, вмѣстѣ съ нимъ перешелъ въ Москву и Иванъ Корниліевичъ, будучи назначенъ адъютантомъ корпуснаго командира. Приказомъ отъ 27 апрѣля того же 1830 года за № 41 при корпусной квартирѣ былъ собранъ учебный баталіонъ, состоящій изъ 12 оберъ-офицеровъ, 96 унтеръ-офицеровъ, 384 рядовыхъ, 6 барабанщиковъ и 6 горнистовъ, имѣвшій назначеніе приготовить для полковъ хорошихъ учителей, которые бы могли обучать рекрутъ по правиламъ устава. Завѣдываніе этимъ баталіономъ было поручено Ивану Корниліевичу; въ приказѣ корпуснаго командира о возложеніи на него этой командировки сказано: „баталіонъ сей я, по извѣстнымъ мнѣ опытности, усердію къ службѣ и знанію оной, поручилъ въ

вѣдѣніе адъютанта моего штабсъ-капитана Максимовича.“ — Въ августѣ 1830 года Великій Князь Михаилъ Павловичъ производилъ въ Москвѣ смотръ войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса. Изъ имѣющей у насъ въ рукахъ „выписи изъ донесенія Великаго Князя Его Императорскому Величеству объ осмотрѣ войскъ 4-го корпуса“ видно, что Михаилъ Павловичъ остался въ полномъ восторгѣ отъ учебнаго баталіона; представляя подробный отчетъ о выправкѣ, маршировкѣ и ружейныхъ приѣмахъ, Великій Князь, видимо, желая особенно похвалить учебный баталіонъ, говоритъ: „съ перваго взгляда онъ напомнилъ мнѣ 24 пѣхотную дивизію“ и, затѣмъ, отдавая долгъ благодарности корпусному командиру, повергаетъ на милостивое Его Величества вниманіе, „что баталіонъ въ короткое время достигъ такихъ успѣховъ, благодаря завѣдывающему онымъ Ивану Максимовичу, которому, какъ офицеру, примѣрному знаніемъ своего дѣла и отличнѣйшимъ усердіемъ своимъ къ службѣ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать Всеимилостивѣйшаго награжденія повышеніемъ чина“.... Въ виду сего представленія Великаго Князя, приказомъ отъ 5 сентября 1830 года, Иванъ Корниліевичъ произведенъ въ капитаны. Въ 1831 году онъ находился въ войскахъ резервной арміи противъ польскихъ мятежниковъ, и за отличіе въ сраженіяхъ удостоенъ награжденіемъ орденомъ Св. Анны 2-ой степени. — По производствѣ въ 1832 году въ полковники, Иванъ Корниліевичъ командовалъ Екатеринославскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ генералы онъ произведенъ въ 1841 году, и въ чинѣ генерала командовалъ сперва резервною дивизіею отдѣльнаго кавказскаго

корпуса, а затѣмъ Образцовымъ пѣхотнымъ полкомъ, стоявшимъ въ Царскомъ Селѣ. Образцовый пѣхотный полкъ былъ любимымъ дѣтищемъ Великаго Князя Михаила Павловича, задача этого полка была образованіе для арміи опытныхъ офицеровъ. Для исполненія этой задачи, Великій Князь находилъ самымъ подходящимъ Ивана Корниліевича, которымъ онъ остался такъ доволенъ въ 1830 году при смотре въ Москвѣ; такимъ образомъ, это назначеніе состоялось по личному желанію и представленію Михаила Павловича. За все время командованія Образцовымъ полкомъ генералъ Иванъ Максимовичъ былъ удостоенъ неоднократно Монаршими благодарностями и цѣлымъ рядомъ наградъ. Великій же Князь Михаилъ Павловичъ, узнавъ его ближе, особенно его цѣнилъ и, при каждомъ удобномъ случаѣ, поощрялъ его своими милостивыми отзывами и одобрительною похвалою. Въ 1861-мъ году Иванъ Корниліевичъ вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-лейтенанта, имѣя ордена до Бѣлаго Орла включительно, прослуживъ на военной службѣ 44 года, не считая двухъ лѣтъ пребыванія въ Дворянскомъ полку.

Въ домѣ генерала Савойни, являвшемся для Ивана Корниліевича своимъ, роднымъ домомъ, онъ познакомился съ семьей генерала барона Карла Федоровича Рейбница, имѣвшаго двухъ дочерей. Старшая дочь Александрина-Елена, бывшая въ то время уже лѣтъ 26, отличалась красотою и плѣнила сердце Ивана Корниліевича. Клавдій Корниліевичъ не сочувствовалъ выбору брата и всячески старался его отговорить отъ задуманнаго намѣренія на ней жениться. Но Иванъ Корниліевичъ, по своему

характеру и силѣ воли, не былъ человѣкомъ, легко отступающимъ отъ своего рѣшенія, и въ 1844 году женился на избранной имъ баронессѣ Александринѣ Рейбницъ. Бракосочетаніе было совершено въ церкви Пажескаго корпуса, при чемъ посаженнымъ отцомъ жениха былъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который благословилъ своего любимца — командира Образцоваго полка — прекраснымъ образомъ Спасителя. Иванъ Корнилевичъ, питая всегда особыя чувства благодарности и любви къ Великому Князю Михаилу Павловичу, крайне дорожилъ этимъ образомъ; онъ всегда висѣлъ у него въ столовой, и всѣ отправляемые въ домѣ молебны совершались всегда передъ этимъ образомъ. Нагляднѣе всего, какъ дорожилъ Иванъ Корнилевичъ памятью Великаго Князя Михаила Павловича и какъ цѣнилъ его благословеніе, видно изъ его духовнаго завѣщанія, въ коемъ имъ сказано: „Образъ Спасителя, коимъ „меня благословилъ, при вступленіи въ бракъ, „усопшій благодѣтель мой Великій Князь Михаилъ „Павловичъ, долженъ всегда храниться у старшаго „изъ Максимовичей въ мужскомъ поколѣніи, въ „нисходящей линіи“.

Получивъ въ приданое за женою 30 тысячъ рублей ассигнаціями, Иванъ Корнилевичъ на эти деньги купилъ домъ въ Царскомъ Селѣ и, будучи въ денежныхъ дѣлахъ до щепетильности аккуратнымъ, подалъ заявленіе, для отмѣтки въ дѣлѣ о службѣ его, что домъ этотъ имъ купленъ на женины деньги и потому долженъ считаться женинымъ *).

*) Изъ справки Архив. Глав. Штаба, выданной изъ дѣла о службѣ генерала И. К. Максимовича.

Въ этомъ домѣ Иванъ Корниліевичъ и жилъ до 1856 года. Въ 1855 году купилъ онъ домъ въ городѣ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ близъ Литейной, у генеральши Анненковой, и въ 1856 году переѣхалъ на окончательное жительство въ этотъ свой домъ, гдѣ и жилъ до конца жизни.

Выйдя въ отставку, Иванъ Корниліевичъ жилъ, удалившись отъ всякихъ дѣлъ и представительства; лишь недолгое время состоялъ онъ гласнымъ городской думы. Не забывая своихъ старыхъ товарищей и подчиненныхъ и вращаясь въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Петербургскомъ обществѣ, онъ имѣлъ довольно обширный кругъ знакомыхъ, находившихъ всегда въ его домѣ привѣтъ и гостепріимство. По установившемуся обычаю, каждое воскресенье Иванъ Корниліевичъ устраивалъ у себя обѣды, на которыхъ всегда бывало отъ 20 до 30 его добрыхъ знакомыхъ, изъ коихъ многіе занимали видныя мѣста въ гражданской и военной іерархіи. Будучи чуждъ всякаго искательства, лести и заискиванія, Иванъ Корниліевичъ отличался прямою мысли и дѣйствія; ставя исполненіе долга и вопросы чести выше всего, онъ въ каждомъ, главнымъ образомъ, цѣнилъ эти качества. Въ службѣ военной онъ слылъ за требовательнаго и строгаго начальника,— въ частной жизни это былъ человѣкъ крайне добраго и отзывчиваго сердца. Вся его жизнь, всѣ его дѣйствія и посмертныя распоряженія доказываютъ, что это былъ человѣкъ, соединявшій въ себѣ рѣдкія качества: строгость къ себѣ—снисходительность къ другимъ; никогда не забывая сдѣланнаго ему кѣмъ-либо добра, онъ самъ дѣлалъ его

другимъ отъ души, тихо, безъ огласки. Въ старческіе годы онъ особенно любилъ помогать нуждающимся молодымъ силамъ, еще не выбившимся на дорогу. Прочитавъ въ газетахъ о нуждѣ какой-либо, или о бѣдствующемъ студентѣ, художникѣ, артистѣ, онъ не медлилъ послать по адресу свою лепту—отъ неизвѣстнаго. Умирая въ довольствѣ и богатствѣ, онъ тоже не забылъ нужды учащихся и оставилъ сравнительно значительную сумму на вспомошествованіе студентамъ, преимущественно малороссамъ Полтавской губерніи, коей онъ былъ уроженцемъ. Въ семейной жизни онъ, съ своей точки зрѣнія, пользовался полнымъ счастьемъ. Будучи на семнадцать лѣтъ старше своей жены (она родилась въ 1817 году), Иванъ Корниліевичъ смотрѣлъ на нее, какъ на юное и неопытное существо, и при этомъ взглядѣ на свою жену оставался до конца жизни. Окружая ее всѣми заботами и вниманіемъ, онъ не затруднялъ ее никакими домашними обязанностями и все до мелочей хозяйство велъ самъ, предоставляя ей только вопросы ея туалета. Иванъ Корниліевичъ дѣтей никогда не имѣлъ, но въ домѣ его росли и воспитывались сыновья горячо любимаго имъ брата, Клавдія Корниліевича, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ собственныхъ сыновей, и, по сердцу, они дѣйствительно были ему, какъ родные. Пользуясь искреннею любовью и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ его знавшихъ, Иванъ Корниліевичъ 2 февраля 1874 года скончался отъ каменной болѣзни, мучавшей его въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Погребенъ онъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа, близъ западной стѣны, на кото-

Иванъ Корниліевичъ
МАКСИМОВИЧЪ.

рой висить большой цѣнный образъ Іоанна Крестителя, сооруженный вдовою Ивана Корнилевича. Вдова его Александра Карловна, достигнувъ преклоннаго возраста, 7 іюля 1897 г. скончалась въ г. Баденъ-Баденѣ, гдѣ она, согласно своему желанію, и похоронена на лютеранскомъ кладбищѣ „Фридгофъ“.

Второй сынъ Корнилія Акимовича — **Клавдій** родился 30 октября 1806 года; воспитывался онъ въ Дворянскомъ полку, откуда въ 1824 году, восемнадцати лѣтъ, былъ выпущенъ офицеромъ въ одинъ изъ армейскихъ драгунскихъ полковъ. Проходя службу по порядку чиновъ, Клавдій Корнилевичъ въ 1840 году былъ произведенъ въ подполковники *). Въ 1842 году Клавдій Корнилевичъ женился на дочери корпуснаго командира барона Розена—Ольгѣ Романовнѣ и, вскорѣ послѣ свадьбы, перешелъ на службу въ Восточную Сибирь, гдѣ въ то время генералъ-губернаторомъ былъ генералъ Рупрехтъ, большой пріятель его тестя барона Розена. Рѣшеніе переѣхать въ Сибирь, помимо лестныхъ приглашеній генерала Рупрехта, явилось у Клавдія Корнилевича въ виду его намѣренія заняться золотыми приисками. Въ началѣ сороковыхъ годовъ занятіе золотыми приисками въ Сибири сдѣлалось доступнымъ и весьма распространеннымъ, въ виду состоявшагося 30 апрѣля

*) Справка изъ дѣла о службѣ.

1838 года Высочайше утвержденнаго положенія о частной золотопромышленности на казенныхъ земляхъ въ Сибири. Этимъ положеніемъ (полное собраніе законовъ т. XIII, ст. 11188) право отыскивать, развѣдывать и разрабатывать золотоносныя россыпи на казенныхъ земляхъ Сибири предоставлялось всѣмъ дворянамъ, служащимъ и 1-й гильдіи купцамъ, за исключеніемъ лишь лицъ, состоящихъ на службѣ въ Сибири и въ Петербургѣ при Главномъ Управленіи горною частью. Для полученія сего права надлежало получить разрѣшеніе отъ Министра Финансовъ и затѣмъ свидѣтельство на разработку отъ генераль-губернатора Восточной Сибири. Въ силу сего закона, Клавдій Корниліевичъ, перейдя на службу въ Сибирь, не могъ на свое имя получить права на разработку приисковъ и потому предложилъ брату, Ивану Корниліевичу, исходатайствовать таковое право на его имя, а дѣло предоставить ему—на его собственный рискъ и страхъ. Благодаря добрымъ братскимъ отношеніямъ, Иванъ Корниліевичъ на это согласился и подалъ соответствующее ходатайство о предоставленіи ему, какъ генералу русской арміи, на основаніи указаннаго закона 30 апрѣля 1838 года, права на отысканіе и разработку золота въ Сибири. При содѣйствіи генерала Савойни, генерала барона Розена и милостивомъ одобреніи службы Ивана Корниліевича Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, Иванъ Корниліевичъ не замедлилъ получить требуемое разрѣшеніе, выразившееся въ выдачѣ ему изъ Министерства Финансовъ на предоставленное право письменнаго удостовѣренія отъ 22 іюня 1842 года за № 533. Въ это время

Клавдій Корниліевичъ съ своею молодою женою уже находился въ Иркутскѣ. Потому Иванъ Корниліевичъ распорядился переслать это, выданное на его имя, удостовѣреніе немедленно брату въ Иркутскъ, а отъ себя послалъ ему полную довѣренность, засвидѣтельствованную въ Таганрогскомъ городономъ магистратѣ 23 августа 1842 года за № 346, предоставивъ при этомъ брату, Клавдію Корниліевичу, дѣйствовать на свой собственный счетъ и страхъ. Принявшисъ весьма энергично за исполненіе своего намѣренія, Клавдій Корниліевичъ, до полученія еще довѣренности, выхлопоталъ на имя Ивана Корниліевича установленное свидѣтельство отъ генералъ-губернатора, каковое ему и было выдано 14 августа 1842 года за № 915. Тотчасъ по полученіи этого свидѣтельства Клавдій Корниліевичъ приступилъ къ работѣ. Въ 1842 году многого сдѣлать было уже нельзя; въ слѣдующемъ 1843 году, въ первый годъ работъ, его постигли одна за другою неудачи: раскопки въ заявляемыхъ мѣстахъ ничего не указывали; на золото нигдѣ не нападали, и деньги, оплачивавшія всѣ эти работы, гибли безвозвратно. Но энергичный и стойкій характеръ Клавдія Корниліевича перемогъ всѣ эти неудачи. Продавъ все серебро, брилліанты жены *) и обратившись съ просьбою къ брату помочь ему хоть небольшой ссудой денегъ, онъ твердо продолжалъ преслѣдовать свою цѣль и въ 1844 году сдѣлалъ новую заявку, начавъ разра-

*) Въ это время дочь генерала Рупрехта была объявлена невѣстой, и Ольга Романовна, желая прійти на помощь своему мужу, продала генералу Рупрехту для его дочери все полученное приданое за 10 тысячъ рублей.

ботывать приискъ, названный „Іоанно-Предтеченскимъ“. Работы 1844 года указывали на присутствіе золота, и потому можно было рассчитывать на удачную работу слѣдующаго года. Вслѣдствіе этого, Клавдій Корниліевичъ, желая предстоящую добычу подѣлить пополамъ съ братомъ, который ему далъ возможность вести эти работы, 13 августа 1845 года выдалъ брату Ивану Корниліевичу обязательство о предоставленіи ему въ собственность половины всего, что на всѣхъ приискахъ будетъ имъ добыто; Иванъ-же Корниліевичъ, съ своей стороны, прислалъ ему къ тому времени новую, болѣе обширную довѣренность, явленную 5 іюля 1845 года въ 1-мъ департаментѣ С.-Петербургской Палаты Гражданскаго Суда за № 1998. Дѣйствительно, 1845 годъ оправдалъ надежды Клавдія Корниліевича: разработка была весьма удачна, было добыто 7 пудовъ 35 фунтовъ 37 золотниковъ золота. Послѣ этого перваго удачнаго года Клавдій Корниліевичъ расширилъ свою дѣятельность и, сдѣлавъ новую заявку, началъ одновременно разрабатывать и другой приискъ, названный „Іннокентьевскимъ“. Результатъ работъ 1846—1847 годовъ былъ лишь удовлетворителенъ, давъ нѣсколько тысячъ прибыли, по покрытіи всѣхъ расходовъ. Въ 1847—1848-же году на обоихъ этихъ приискахъ, какъ это видно изъ журнала С.-Петербургскаго Монетнаго Двора отъ 28 октября 1848 года, добыча значительно превзошла результаты 1846 года *).

*) Иванъ Корниліевичъ получилъ свою долю изъ С.-Петербургскаго Монетнаго Двора по квитанціи Алтайскаго Горнаго Управленія за № 7256 и по журналу 28-го октября 1848 года.

Эти пятилѣтнія тяжелыя занятія по золотымъ пріискамъ подорвали здоровье Клавдія Корнилевича и онъ, передавъ управленіе дѣлами по пріискамъ брату Ивану Корнилевичу, а непосредственное завѣдываніе ими на мѣстѣ нѣкимъ Кандинскому и Звѣреву, принятымъ имъ въ долю, съ 1849 года устранилъ себя отъ личнаго участія въ завѣдываніи золотыми пріисками. Такимъ образомъ, Клавдій Корнилевичъ тяжелымъ упорнымъ трудомъ, подорвавшимъ его здоровье и преждевременно сведшимъ его въ могилу, не только что обезпечилъ свою семью, но и предоставилъ солидное состояніе своему брату Ивану Корнилевичу. Иванъ Корнилевичъ, по своему честному благородному характеру, глубоко цѣнилъ все сдѣланное для него братомъ и всю свою любовь къ брату, по его смерти, перенесъ на его сыновей, которымъ онъ своимъ попеченіемъ, сердцемъ и душою до гроба жизни былъ заботливымъ отцомъ.

Въ отношеніи жизни Клавдія Корнилевича въ Сибири остается еще привести нѣкоторыя свѣдѣнія о его службѣ въ томъ краѣ. Въ 1845 году, по Высочайшему повелѣнію, Сенаторъ Толстой ревизовалъ Восточную Сибирь и, по ревизіи, обнаружилъ злоупотребленія въ Иркутской Полевой Провіантской комиссіи. Разслѣдованіе этихъ злоупотребленій и выясненіе дѣятельности этой комиссіи ревизующимъ Сенаторомъ было поручено, состоявшему при генераль-губернаторѣ, подполковнику Клавдію Корнилевичу, который возложеную на него задачу исполнилъ столь образцово, что по приказанію Военнаго Министра на него было возложено дальнѣйшее завѣдываніе этой

комиссіей *). Дѣятельность эта была не по духу и нраву Клавдія Корниліевича, и онъ ею тяготился, о чемъ писалъ неоднократно своему брату въ С.-Петербургъ.

Какъ мы сказали выше, усиленные занятія, связанныя съ тяжелыми разъѣздами по золотымъ приискамъ, подорвали силы Клавдія Корниліевича и потому въ 1848 году онъ рѣшилъ выйти въ отставку и поселиться гдѣ-либо на югѣ для поправленія своего расшатаннаго здоровья. Высочайшій приказъ объ увольненіи его отъ службы съ чиномъ полковника последовалъ 8 марта 1848 года; но значительныя въ томъ году разработки по приискамъ задержали Клавдія Корниліевича до 1849 года. Предпринять столь дальній переѣздъ въ началѣ этого года не дозволяло здоровье Ольги Романовны, потому окончательно выѣхать изъ Сибири удалось Клавдію Корниліевичу лишь въ серединѣ лѣта 1849 года. Приѣхавъ въ 1842 году въ Иркутскъ съ молодою женою, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья, Клавдій Корниліевичъ, черезъ семь лѣтъ, покидалъ его больнымъ, разслабленнымъ, и возвратный путь совершалъ уже съ немалою семьею, состоявшею въ то время изъ четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ послѣдній, родившійся въ Иркутскѣ передъ выѣздомъ, 14 мая 1849 года, былъ настолько малъ, что совершалъ путь въ корзинѣ, служившей ему люлькой.

По возвращеніи въ Москву, Клавдій Корниліевичъ купилъ продававшееся тамъ съ аукціона

*) Сообщение канцеляріи Военнаго Министерства отъ 17 іюня 1846 года за № 6900.

имѣніе генеральши Потаповой, въ Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда, близъ города Славянска,—село Знаменское. Имѣніе это Императрицею Екатериною II было пожаловано генералу Анненкову, а отъ него перешло генеральшѣ Потаповой, которая, затѣявъ въ имѣніи раскопки для добыванія минеральныхъ богатствъ, совершенно разорилась, обременила имѣніе долгами, за кои оно и было продано съ аукціона. Переѣхавъ въ свое новопріобрѣтенное имѣніе, Клавдій Корниліевичъ надѣялся надолго тамъ безвыѣздно поселиться и, благодаря южному климату, поправить свое здоровье. Въ виду этого, первую его заботою было расширить и обстроить найденный имъ въ имѣніи небольшой жилой домъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, будучи человекомъ весьма религіознымъ, онъ, найдя въ Знаменскомъ маленькую, и притомъ весьма ветхую, деревянную церковь, одновременно заложилъ большую каменную церковь близъ дома, ассигновавъ на постройку ея сорокъ тысячъ, изъ заработанныхъ имъ въ Сибири денегъ. Въ 1852 году семью постигло первое большое горе,—умерла старшая дочь—Пелагея, дѣвочка девяти лѣтъ, любимица всего дома. Смерть этого ребенка сильно потрясла Клавдія Корниліевича и отозвалась на его здоровьи. Въ то же лѣто, при осмотрѣ имъ постройки—церкви, гдѣ былъ погребенъ скончавшійся ребенокъ, онъ почувствовалъ себя дурно, и былъ принесенъ въ домъ въ безчувственномъ состояніи. Припадокъ этотъ былъ признанъ врачами за ударъ, и, по настоянію врачей, Клавдій Корниліевичъ въ 1853 году поѣхалъ на лѣченіе за границу. Пробывъ цѣлый сезонъ въ Карлсбадѣ,

онъ почувствовалъ себя значительно лучше и вернулся домой, казалось, здоровымъ; но въ дѣйствительности, здоровье его внушало серьезныя опасенія. Въ 1855 году для совѣта съ врачами Клавдій Корниліевичъ ѣздилъ въ Москву и, по настоянію ихъ, въ 1856 году, выѣхалъ для продолжительнаго лѣченія за границу. Въ то время здоровье его было уже настолько плохо, — вторымъ постигшимъ его ударомъ у него отнялось движеніе ногъ, — что ѣхать ему одному представлялось невозможнымъ. Вслѣдствіе этого, оставивъ старшаго сына — Ивана, бывшаго уже въ возрастѣ, позволявшемъ помѣщеніе его въ школу, въ Петербургѣ на рукахъ брата Ивана Корниліевича, Ольга Романовна повезла Клавдія Корниліевича за границу, взявъ съ собою всѣхъ остальныхъ четырехъ дѣтей; имѣніе же предоставила въ завѣдываніе управляющему — изъ простыхъ мѣстныхъ крестьянъ. Для сопутствованія больного былъ приглашенъ въ Харьковѣ молодой, только что окончившій курсъ, врачъ Филиппъ Ивановичъ Ланге и для ухода за Клавдіемъ Корниліевичемъ, не владѣвшимъ уже ногами и одной рукой, былъ взятъ съ собою изъ деревни крѣпостной лакей Тимоѳеѣй Милешко. Для первоначальнаго совѣта обратились къ тогдашней знаменитости доктору П... въ Вѣнѣ, а затѣмъ для лѣченія переѣхали въ Дрезденъ. Иностранныя медицинскія знаменитости начали пересылать больного изъ одного курорта въ другой, передавая его отъ одного врача къ другому, но недугъ не поддавался никакому лѣченію. Трудно было такою большою семьею совершать столь частые переѣзды, потому сыновья, не-

Клавдій Корнилієвичъ
МАКСИМОВИЧЪ.

смотря на ихъ еще юные годы, были помѣщены въ школу въ Дрезденѣ, и при родителяхъ остались лишь двѣ дочери, изъ которыхъ старшая являлась уже помощницею Ольгѣ Романовнѣ въ ея постоянномъ уходѣ за больнымъ мужемъ. Такъ продолжалось, безъ всякихъ улучшеній, до 1860 г.; въ 1860 году въ городѣ Марселѣ, въ день своего рожденія, 30 октября, Клавдій Корниліевичъ, отъ третьяго постигшаго его удара, 54 лѣтъ отъ роду, скончался. Тѣло его было перевезено въ деревню для погребенія въ имѣ же выстроенной церкви. Перевозъ изъ Марселя былъ моремъ до Маріуполя, а оттуда на лошадяхъ въ деревню. Погребеніе состоялось въ апрѣлѣ 1861 года; передъ внесеніемъ гроба въ церковь, крестьяне, боясь, чтобы, по ошибкѣ, имѣ вмѣсто ихъ скончавшагося любимаго барина не привезли изъ-за границы какого-либо иностранца—„бусурманина“, настоятельно требовали открытія гроба. Для ихъ успокоенія, желаніе это было исполнено, и они, удивившись, что въ гробу дѣйствительно ихъ баринъ, а не кто-либо другой, благоговѣйно отнеслись къ погребенію его въ воздвигнутомъ имѣ храмѣ.

Все знавшіе Клавдія Корниліевича отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ высокаго ума, съ большою силою воли и твердымъ характеромъ, и какъ о помѣщикѣ—особенно гуманномъ, смотрѣвшемъ на своихъ крестьянъ, какъ на людей, попеченіе о коихъ составляетъ его нравственную обязанность.

Ольга Романовна, оставшись послѣ смерти мужа вдовою въ 38 лѣтъ, всю свою жизнь исключительно посвятила семьѣ и устройству дѣлъ въ

имѣніи, распатанномъ хозяйничаньемъ заглазнымъ, чужими людьми. Проживая для этого почти безвыѣздно въ имѣніи Знаменскомъ, она свято исполнила эту свою задачу. Скончалась Ольга Романовна въ 1887 году, февраля 7 дня, и погребена рядомъ съ Клавдіемъ Корниліевичемъ въ церкви села Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.

Нелегка и небеззаботна была вся жизнь Ольги Романовны; выйдя замужъ изъ дома, пользовавшагося Петербургскою свѣтскою жизнью, полною развлеченій, ей пришлось первые же юные годы своего замужества проводить въ Сибири, вдали отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, — гдѣ, раздѣляя съ мужемъ всѣ первыя неудачи и горести, она была его единственною поддержкою и утѣшеніемъ. По возвращеніи, затѣмъ, изъ Сибири, цѣлыхъ девять лѣтъ ей было суждено имѣть на своемъ попеченіи больного мужа, требующаго и нравственнаго ободренія, и физическаго ухода. Безропотно, поглощенная любовью къ своей семьѣ, Ольга Романовна всегда была и образцовою женою—сидѣлкою, и примѣрною матерью—воспитательницею своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Принявъ, по смерти мужа, разстроенныя дѣла по имѣнію, несмотря на трудное переходное время 1861 года, Ольга Романовна, при всей своей неопытности въ хозяйствѣ, съ честью и достоинствомъ выполнила свою задачу. Наконецъ, послѣднія десять лѣтъ жизни ее самое, имѣвшую несчастье сломать ногу и руку, постигли разныя болѣзни и серьезныя недомоганія, причинявшія ей не мало страданій и мученій. Но этотъ недостатокъ жизненныхъ радостей, при ея жизни, пополнялся горячею лю-

бовью всей ея семьи и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ ее окружающихъ, а послѣ ея смерти долженъ вознаграждаться всегда доброю о ней памятью и теплой молитвой за упокоеніе ея чистой души.

Послѣ Клавдія Корниліевича осталось пять дѣтей: двѣ дочери и трое сыновей, изъ коихъ трое старшихъ родились въ г. Иркутскѣ, а двое младшихъ въ имѣніи Знаменскомъ, Харьковской губерніи. Старшій сынъ **Иванъ** Клавдіевичъ родился 19 октября 1845 года; десяти лѣтъ онъ былъ опредѣленъ въ 7-ю Ларинскую, въ г. С.-Петербургѣ, гимназію и для воспитанія помѣщенъ къ учителю нѣмецкаго языка той гимназіи—природному нѣмцу Зоммеру. При переходѣ въ послѣдній классъ гимназіи, въ 1864 году, Иванъ Клавдіевичъ, благодаря усиленному росту и слабости груди, серьезно занемогъ; врачи, опасаясь быстрого развитія у него чахотки, требовали немедленнаго его выѣзда изъ Петербурга. Поѣхавъ для поправленія здоровья въ имѣніе, онъ пристрастился къ сельскому хозяйству и рѣшилъ остаться для помощи при матери, дабы раздѣлить съ нею всѣ хозяйственныя заботы. Въ январѣ 1870 года Иванъ Клавдіевичъ женился на дочери сосѣдняго помѣщика Аннѣ Александровнѣ Минченко. Всю свою жизнь Иванъ Клавдіевичъ провелъ безвыѣздно въ Харьковской губерніи, проживая то въ своемъ имѣніи, то зимою въ г. Харьковѣ, гдѣ онъ имѣлъ собственные дома. Скончался онъ 19 іюня 1892 года и погребенъ около церкви села Никольска, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи. По характеру и доброму сердцу, Иванъ Клавдіе-

вичъ являлся рѣдкимъ человѣкомъ; его натурѣ были чужды чувства эгоизма, себялюбія и корысти. Всегда отзывчивый къ чужой бѣдѣ, онъ считалъ себя счастливымъ, если могъ кому-либо помочь, за кого-либо похлопотать и что-либо сдѣлать. Боготворя свою семью, онъ единственно для нея, и ею, жилъ. Мало обращая вниманія на себя, онъ, незамѣтно для себя и для другихъ, оказался страдающимъ грудною жабою, которая его сразила въ цвѣтъ силъ.

Второй сынъ **Константинъ** Клавдіевичъ, родившійся 14 мая 1849 года, окончивъ въ 1867 году курсъ въ Пажескомъ корпусѣ, поступилъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ, въ коемъ и служилъ до полковничьяго чина, пройдя въ теченіе этой службы Академію генеральнаго штаба. Въ чинѣ полковника командовалъ сперва 26 Новгородскимъ Драгунскимъ полкомъ, а затѣмъ лейбъ-гвардіи Конногренадерскимъ полкомъ, во время командованія коимъ произведенъ въ генераль-маіоры *). Въ настоящее время Константинъ Клавдіевичъ состоитъ военнымъ губернаторомъ Уральской области и наказнымъ атаманомъ Уральского Казачьяго войска. Женатъ онъ съ 1875 г. на Маріи Николаевнѣ Болкашиной (по первому мужу Воронежъ); дѣтей не имѣетъ.

Третій сынъ **Иннокентій** Клавдіевичъ — родился 25 августа 1850 года; окончивъ курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицей, онъ въ 1871 году поступилъ на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи, въ коемъ и нынѣ состоитъ въ должности Предсѣдателя Рижскаго Окружнаго

*) 6-го декабря 1897 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты.

Суда; женатъ онъ съ 1872 года на Маріониллѣ Филадельфовнѣ Мясичевой.

Дочери же Клавдія Корниліевича: **Софія**, родившаяся въ 1844 году, въ 1861 году вышла замужъ за Алексѣя Васильевича Депрерадовича, скончавшагося въ 1894 году, въ своемъ имѣніи Камышеваха, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи; а младшая **Наталія**, родившаяся 11 апрѣля 1855 года, вышла замужъ въ 1872 году за Павла Васильевича Сомова и нынѣ съ своею семьею проживаетъ въ г. Тамбовѣ.

Отъ дѣтей Клавдія Корниліевича, младшая линія рода Максимовичей, въ VIII колѣнѣ, развѣтвляется на двѣ вѣтви: одну образуютъ дѣти Ивана Клавдіевича, другую дѣти Иннокентія Клавдіевича. Отъ Ивана Клавдіевича осталось четверо дѣтей: сыновья **Борисъ** и **Сергѣй**, дочери **Наталія** и **Марія**. Сергѣй и Марія еще находятся въ учебномъ возрастѣ; Наталія замужемъ за Павломъ Павловичемъ Малиновскимъ, а старшій, Борисъ, посвятивъ себя хозяйству и устройству дѣлъ семьи, проживаетъ въ родительскомъ имѣніи; женатъ онъ на дочери Харьковскаго врачебнаго инспектора Глафирѣ Михайловнѣ Севастьяновичъ и нынѣ уже отецъ семьи. — Семья же Иннокентія Клавдіевича состоитъ изъ сыновей **Клавдія**, родившагося въ 1873 году, нынѣ служащаго въ лейбъ-гвардіи Конногренадерскомъ полку; **Константина**, родившагося въ 1875 году, служащаго въ лейбъ-гвардіи Кирасирскомъ Ея Величества полку, и дочери **Маріи**, родившейся въ 1878 году и живущей при родителяхъ. Младшій же сынъ

Александръ умеръ девятилѣтнимъ ребенкомъ и погребенъ на Покровскомъ кладбищѣ г. Риги.

Послѣднимъ представителемъ IX колѣна лiнiи шестого сына Максима Васильковскаго, **Михаила**—пока является сынъ Бориса Ивановича,—тоже **Михаиль**, родившійся въ 1896 году.

Не моя задача въ семъ сборникѣ писать о живыхъ, потому ограничиваюсь однимъ ихъ краткимъ перечисленіемъ, предоставляя потомству, согласно приведенному въ заглавіи изреченію Тацита, каждому воздать по его заслугамъ и каждому опредѣлить его цѣну.

УІІ. Антонъ Максимовичъ.

Послѣдній—седьмой сынъ Максима Васильковскаго—**Антонъ** служилъ бунчуковымъ товарищемъ при гетманѣ Мазепѣ, коимъ въ 1700 году ему, вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ, пожаловано село Луки. Въ гетманство же Скоропадскаго, въ 1711 году, ему пожаловано село „Малая Старица“. Въ родословной, составленной профессоромъ М. А. Максимовичемъ, равно какъ въ описаніи его „Бубновской сотни“, Антонъ показанъ умершимъ безпотомственно (т. I, стр. 807); между тѣмъ изъ отрывковъ генеральнаго слѣдствія, въ коихъ, въ числѣ прочихъ деревень и селъ, описана „Малая Старица“ („Мотыжинскій архивъ“, стр. 223), видно, что у Антона былъ одинъ сынъ **Григорій**, который послѣ смерти отца владѣлъ селомъ „Малая Старица“, гдѣ онъ и проживалъ. Григорій Антоновичъ дѣтей не имѣлъ, и со смертію его родъ седьмого сына Максима Васильковскаго—Антонъ прекращается въ III колѣнѣ.

Quod potui feci, faciant meliora potentes.

Что могъ сдѣлать, пусть кто можетъ дѣлаетъ лучше.

И. Максимовичъ.

